

Федор Успенский, Елена Бабаева

ГРАММАТИКА "АБСУРДА" И "АБСУРД" ГРАММАТИКИ

"Это я сказала по-видимому".

Д. Хармс

"Уважай бедность языка".

А. Введенский

В настоящей работе рассматривается языковой аспект поэтики Хармса, обусловленной как индивидуальными чертами поэта, так и (в меньшей степени) тем литературным контекстом, в котором эти черты складывались.*

Прежде всего выделим ту традицию, с которой соотносится поэтика Хармса. Футуризм, выдвинувший понятие "самовитого" слова, приравнивает языковую систему к объектам поэтического мира. Тем самым язык существует на двух уровнях: 1. являясь, с одной стороны, одним из способов передачи поэтической информации (например, наряду с графическим расположением стихотворной строки), 2. с другой стороны, является автономным и замкнутым объектом поэтического творчества. Тем самым оправдывается и факт языковой игры как самоцели поэтического творчества. Существенно, что выделение второго уровня дает ему возможность самостоятельного существования. В крайнем своем выражении это приводит к синонимии таких понятий, как Слово и Текст. Текст, построенный вне поэтики футуристов, как правило, развертывается во взаимодействии составляющих его единиц, каждая из которых может быть актуализирована контекстом. В таком случае Текст и Слово организованы иерархически, представляя собой неравные величины. Поэтика футуризма позволяет снять эту иерархию, сводя к нулю функции контекста. Таким образом границы текста подвижны и могут совпадать с границами самодостаточного слова. Благодаря подвижности границ текст может становиться принципиально дискретным, он может быть начат и завершен в любой фазе своего развития. В таких условиях статика стиха может реализоваться как композиционный прием. Проиллюстрируем сказанное на примере хорошо известного стихотворения Хлебникова "Заклятие смехом". На протяжении стиха создается новое словообразовательное гнездо, каждый элемент которого функ-

ционально равен предыдущему и тем самым тексту в целом. Стихотворение принципиально членимо и в силу этого статично, так как каждое следующее слово обладает такой же поэтической ценностью, как и предыдущее:

О, рассмешил надсмейальных – смех усмейных смехачей!
 О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смехячей!
 Смейево, смейево,
 Усмей, осмей, смешники, смешники,
 Смеюнчики, смеюнчики. (цит. по изд.: Белимир Хлебников.
Творения. М., 1986, с. 54)

Очевидно, что словообразовательное гнездо и, следовательно, сам текст формируется единством корневой морфемы (заданной в заглавии стихотворения), однако реализация того или иного словообразовательного типа (как продуктивного, так и непродуктивного) возможна лишь при соотнесении с внеtekстовой языковой системой. Таким образом, отсутствие контекста внутри стихотворной строки компенсируется ориентацией на языковое знание, при этом подчеркивается расхождение поэтического и непоэтического использования элементов языка (уровень морфем).

Стихотворный текст Хармса строится на принципиально иной основе. Оставляем в стороне факты сознательной имитации поэтики Хлебникова в отдельных стихотворениях Хармса. См., например, отрывок "глАв-Набор": (2, 100). В противоположность принципу статики стиха, о котором говорилось выше, в поэтике Хармса можно видеть реализацию принципа динамики стиха. В нашем понимании разграничение принципов статики и динамики стиха основывается на соотношении Слово и Текста. Если статика, как уже отмечалось, позволяет моделировать Слово как Текст и Текст как Слово (то есть в крайнем своем проявлении Слово и Текст становятся эквивалентными единицами), то динамика соотносит Слово и Текст как иерархические элементы (то есть Слово подчинено Тексту). Но в отличие от традиционного типа поэтического текста (построенного по принципу динамики) поэзия Хармса порождается свойством "текучести" слова. Под "текучестью" слова мы понимаем его потенциальную обращенность к парадигматическим и синтагматическим свойствам другого слова, которая становится объектом и одновременно средством поэтизации. Следует отметить, что речь идет о взаимной ориентации элементов языковой действительности, а не предметного мира, что подчеркивалось самим Хармсом: "Самостоятельно существующие предметы уже не связаны законами логических рядов и скачут в пространстве куда хотят, как и мы. Следуя за предметами,

скакут и слова существительного вида. Существительные слова рождают глаголы и даруют глаголам свободный выбор. [...] Речь, свободная от логических русл, бежит по новым путям, разграниченная от других речей. Границы речи блестят немного ярче, чтобы видно было, где конец и где начало, а то мы совсем бы потерялись. Эти границы, как ветерки, летят в пустую строку – трубе. Труба начинает звучать, и мы слышим рифму" (434). К вопросу о несовпадении поэтического и реального мира так называемые "обернуты" обращались достаточно часто, см., например, провозглашенный в манифесте: "У искусства своя логика..." (в кн.: А. Введенский. *Полное собрание сочинений*. т. 2, с. 244; ср. рассуждения о строении поэтического текста в романе Константина Вагинова "Козлинская песнь", приводимые в примечаниях к изданию сочинений Хармса, 2, 194–195).

Таким образом, структурирующей единицей текста является не изолированное Слово, а Слово, взятое во всем многообразии своих связей (фонетических, словообразовательных, синтаксических, лексических, семантических, ассоциативных), обращенное в языковую действительность. Слово образует конструкцию, состоящую как минимум из двух членов, причем каждая следующая конструкция порождается предыдущей, образуя своего рода "цепную реакцию". (Необходимо подчеркнуть, что конструкция в целом носит предикативный, а не номинативный характер. Иными словами, обязательным условием существования конструкции является наличие глагола, что может сочетаться с отсутствием семантики собственно действия, ср., рассуждения А. Введенского, который, называя глаголы "подвижными" и "текучими" элементами, замечал: "Глаголы на наших глазах доживают свой век... Те действия, которые есть в моих стихах, нелогичны и бесполезны, их нельзя уже назвать действиями", цит. изд., с. 186). Хармс воспринимался прежде всего как поэт динамики и самими "обернутами", как это видно из их манифеста, в котором он характеризуется в качестве автора, "внимание которого сосредоточено не на статической фигуре, но на столкновении ряда предметов, на их взаимоотношениях" (цит. изд., с. 244). В качестве иллюстрации приведем отрывок из стихотворения Хармса "Пробуждение элементов":

1. Бог проснулся. Отпер глаза,
2. взял песчинку, бросил в нас.
3. Мы проснулись. Вышел сон.
4. Чуем утро. Слышим стон.
5. Это сонный зверь зевнул.
6. Это скрипнул тихо стул.
7. Это сонный, разомлев,
8. тянет голову сам лев.

На протяжении всего стихотворения происходит переключение с одной предикативной конструкции на другую. Это переключение сопровождается последовательной сменой лексем при предикате. Так, в строке 1 субъект действия является одновременно и его объектом (первая предикативная конструкция), затем эти две позиции разделяются, при этом семантическая позиция субъекта формально представлена нулем, а нововведенный объект произведен от первоначального субъекта (вторая предикативная конструкция). В строке 2 происходит смена объектов, действие переключается на предмет, находящийся вне субъекта (третья предикативная конструкция). Этот же предмет ("песчинка") является объектом действия в четвертой предикативной конструкции, в свою очередь не реализуясь в ней на формальном уровне, так что в данном случае семантические позиции субъекта и объекта представлены нулем. Одновременно в этой же конструкции вводится новая семантическая позиция – адресата действия ("в нас"). Адресат должен реагировать на обращенное к нему действие, таким образом введение позиции адресата определяет последующую смену субъектов (строка 3). Действие нового субъекта первоначально направлено на себя (пятая предикативная конструкция), но одновременно оказывается, что субъект делим (то есть "мы проснулись" = "Бог разбудил заложенный в нас сон"). Полученный в результате новый субъект в свою очередь совершает новое действие (шестая предикативная конструкция), являющееся необходимой предпосылкой для ряда действий, названных в строке 4 (седьмая и восьмая предикативные конструкции). Начиная со строки 5 подобного рода "цепная реакция" усложняется, поскольку число субъектов увеличивается.

Таким образом, текст развивается по двум линиям: линия горизонтальная (синтагматическая), где формируется конструкция, и линия вертикальная (парадигматическая), реализующая связи между конструкциями. Наличие парадигматической линии объясняет потенциальную бесконечность текста (ср. частое употребление у Хармса в конце стихотворения местоимения "все"). Представляется целесообразным раздельно рассмотреть закономерности построения парадигматических и синтагматических рядов у Хармса.

1.0.0. Парадигматический ряд. В поэтике Хармса мы различаем два типа парадигматических рядов. Первый тип: парадигматический ряд в узком смысле, а именно реализация в одном стихотворении грамматической парадигмы лексемы. Ср., например, первую строку стихотворения "Вечерняя песнь к именем моим существующей" (90):

Дочь дочери дочерей дочери Пе.

Второй тип: парадигматический ряд в широком смысле (лексико-семантическая парадигма). В данном случае имеется в виду смена лексем одной и/или нескольких семантических групп в пределах устойчивого синтаксического (и лексико-грамматического) контекста, например, стихотворение "Летят по небу шарики..." (143–144), которое построено на модификации высказывания в пределах одного контекста: Летят по небу шарики, // а люди машут шапками <палками, булками, кошками, стульями, лампами>.

Следует отметить возможность контаминации обоих парадигматических рядов в одном стихотворении. Ср., например, стихотворение "Звонить–лететь" (86):

Вот и дом полетел.
Вот и собака полетела.
Вот и сон полетел.
Вот и мать полетела.
Вот и сад полетел.

В данном случае представлено чередование родовых форм глагола (грамматическая парадигма) и чередование лексем в позиции субъекта действия (лексико-семантическая парадигма).

1.1.1. В стихотворениях Хармса практически все части речи участвуют в образовании грамматических парадигм. Наиболее частотным случаем является наличие парадигмы глагола. (Этот факт естественным образом соотносится с предикативным характером поэтики Хармса). Начнем наш анализ с указания на парадигму полнозначного глагола "быть" в прологе к драме "Дон Жуан" (2, 159 и сл.).

Быть – это быть
и тот, кто был, тот будет.
Быть – это радость
и тот, кто хочет быть, тот будь.
[...]
Быть это значит быть умом.
И тот, кто хочет быть,
тот будет умным.
[...]
А тот, кто хочет быть и будет,
того тотчас же одолеет глупость.
[...]
Я не был и буду никогда
и ты не будешь никогда
и никогда ты не был.
[...]

А потому и разговор небывших
мы будем называть небывшим.

Возможность парадигмы задается употреблением инфинитива "быть" в начале текста. В качестве основных формативов текста выступают формы изъявительного наклонения, в том числе с отрицанием, форма повелительного наклонения и именные формы глагола. Сравним приведенную парадигму с употреблением глагола "быть" в стихотворении "Вот и Вут час..." (88):

Вот и Вут час.
Вот час всегда только были, а теперь только полчаса.
Нет, полчас всегда только было, а теперь только четверть часа.
Нет, четверть часа всегда только было, а теперь только восьмушка часа.
Нет, все части часа всегда только были, а теперь их нет.
[...]
Вот час всегда только был.
Вот час всегда теперь быть.

В данном случае парадигма включает только формы изъявительного наклонения (настоящее время=0), изменяемые по роду и числу. Принципиальное различие между процитированными парадигмами состоит в том, что во втором случае инфинитив заключает парадигму, и его употребление обусловлено контекстом (тогда как в первом случае, находясь в независимой позиции, инфинитив образует контекст): оксюморонное соположение наречий "всегда" и "теперь" снимает актуальность грамматических оппозиций глагольных форм и создается необходимость в употреблении немаркированного члена парадигмы.

Глагольная парадигма может развертываться на протяжении всего стихотворения, представляя собой композиционный каркас текста. При этом "точка отсчета", ориентирующая именно на такое прочтение текста, эксплицитно выражена в заглавии. В данном случае мы имеем в виду стихотворение "Звонить—летать" (ср. первоначальное заглавие "Звонить—лететь"; см. 2, 177). В начальных восьми строках реализуется один и тот же грамматически правильный тип предложения, ядро которого состоит из субъекта (существительное, относящееся к вещественному разряду) и согласованной с ним формой глагола: "Вот и дом полетел. // Вот и собака полетела. // Вот и сон полетел. / Вот и мать полетела. // Вот и сад полетел. // Конь полетел. // Баня полетела. // Шар полетел." В строках 9–12 предложения подвергаются деформации. Суть этой деформации заключается в

создании грамматической неправильности, то есть в грамматическом рассогласовании по отношению к норме литературного языка (сам тип подобной деформации становится нормой поэтического языка Хармса).

Вот и камень полететь.
 Вот и пень полететь.
 Вот и миг полететь.
 Вот и круг полететь.

Далее до конца первой части стихотворения чередуются нормативные и деформативные предложения; ср. "Дом летит. // Мать летит. // Сад летит. // Часы летать. // Рука летать. // Орлы летать...". На аналогичной схеме и вторая часть стихотворения, где в качестве предиката выступает глагол "звенеть" (глаголы "звонить" и "звенеть" с точки зрения Хармса представляют собой две реализации одной лексемы, так как, по всей видимости, носителем семантики слова являлась для него консонантная структура (ср. созданный Хармсом консонантный корень "крп", вероятно, с семантикой "прочность": "Ты дубов зеленых крепче // ты крепец // То есть не крепец // а кирпич" в стихотворении "Столкновение дуба с мудрецом"; см. об этом же: 2, 178): Дом звенит. // Вода звенит // [...] // Мать, и сын, и сад звенят." Начиная с восьмой строки второй части усложняется структура нормативного предложения, в котором выступают уже оба глагола: "ТО летит и ТО звенит. // Люб звенит и летит...". В соответствии с логикой построения текста и эта усложненная конструкция подвергается деформации: "Звон летает и звенеть." Стихотворение заключают симметрично построенные предложения, в каждом из которых употреблен один из ключевых глаголов в неопределенной форме (обращаем внимание на вариантность употребления "лететь–летать", "звонить–звенеть"): "Мы лететь и ТАМ летать. // [...] // Мы звонить и ТАМ звенеть."

1.1.2. Неглагольные грамматические парадигмы встречаются реже. Приведем примеры для грамматических парадигм других частей речи. Выше уже упоминалось стихотворение "Вечерняя песнь к именем моим существующей", которое открывается парадигматическим рядом существительного "дочь": "Дочь дочери дочерей дочери Пе". И в данном случае парадигма задается употреблением исходной формы на первом месте (как это было представлено и в глагольных парадигмах, см. об этом выше) и реализуется не в полном объеме. Выбор форм обусловлен наличием падежей омонимии и грамматической симметрией, усложняющей возможность разрешения омонимии. Разберем логику сопряжения падежных форм более подробно.

1	2	3	4
Дочь	Дочери	дочерей	дочери

В форме, занимающей первое место, могут реализоваться два грамматических значения: именительного и винительного падежей единственного числа. Можно, однако, предложить, что в данном случае омонимия снимается благодаря инициальной позиции формы в тексте в пользу именительного падежа.

Форма, занимающая второе место, может служить для передачи трех грамматических значений: родительного и дательного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа. Наименее вероятным кажется видеть в ней значение дательного падежа, так как оно не поддерживается следующими формами и нарушает обычный порядок построения парадигмы. Эта форма может реализовывать следующую за именительным падежом грамматическую позицию, то есть позицию родительного падежа, и тогда первая и вторая формы связываются общей логикой порождения именной парадигмы. Но в ней может быть представлено и значение именительного падежа множественного числа, в таком случае первая форма связывается со второй на основании грамматической симметрии:

1 модель (парадигматические отношения)

1	2
именительный ед. ч.	родительный ед. ч.

2 модель (отношения грамматической симметрии)

1	2
---	---

именительный ед. ч.	именительный мн. ч.
---------------------	---------------------

Форма, стоящая на третьем месте, является потенциальным средством выражения двух грамматических значений: родительного и винительного падежей множественного числа. Если отдать предпочтение родительному падежу, то получат развитие обе модели:

1 модель (парадигматические отношения)

2	3	4
именительный мн. ч.	родительный мн. ч.	именительный мн. ч.

2 модель (отношения грамматической симметрии)

2	3	4
---	---	---

родительный ед. ч.	родительный мн. ч.	именительный мн. ч.
--------------------	--------------------	---------------------

Четвертая форма совпадает со второй и образует таким образом "обратную перспективу":

1 модель (парадигматические отношения)

3	4
родительный мн. ч.	именительный мн. ч.

2 модель (отношения грамматической симметрии)

3

4

родительный мн. ч.   родительный ед. ч.

Так выглядят отношения между отдельными формами, взятыми попарно в соответствии с построением текста. Если же рассматривать все четыре формы, то их единство базируется именно на одновременной и постоянной реализации обеих моделей. Обе модели представлены и в соотношении первой и четвертой форм:

1 модель (отношения парадигматические отношения)

1

4

именительный ед. ч.   родительный ед. ч.

2 модель (отношения грамматической симметрии)

1

4

именительный ед. ч.   именительный мн. ч.

Четвертая форма замыкает парадигматический ряд, но она же обращена к следующему слову. Это обращение заставляет признать за ней значение родительского падежа, выбор в данном случае базируется уже на анализе синтаксической конструкции в целом, включающей в себя в качестве составного элемента парадигму имени существительного:

Дочь дочери дочерей дочери Пе
дото яблоко тобой откусив тю
себлазния Адама горы дото тобою
любимая дочь дочерей Пе.

Восприятие синтаксической конструкции усложняется отсутствием предиката. Если видеть в первой строке целостную номинацию некоего лица, то соотношение форм выглядит следующим:

1

2

3

4

именительный   родительный   родительный   родительный

Такая расчлененная номинация служит для создания особого стихотворного жанра, а именно "молитвы" (см. авторское определение жанра данного стихотворения: 513). Это обращение повторяется два раза в полной форме и один раз в редуцированной форме:

любимая дочь дочерей Пе

Подобная организация синтагматических связей, при которой регулярно реализуется адъективное значение, выраженное родительным падежом, и создает "словесную машину", стилизующую магический текст (ср. в этом же стихотворении "мать мира", "дитя мира", "духа зерна глаз", "лестницы головы твоей", "чернильница щек моих", "ухо волос

моих", "радости перо отражения свет вещей моих", "ключ праха и гордости текущей лоны", "люди страны моей", "движения конь", "именинница имени своего", "ветер ног своих", "пчела груди своей", "сила рук своих", "глубина души моей", "ноги радости", "лес кладбища времен тихо стоящих").

1.1.3. Парадигма имени прилагательного представлена в стихотворении "Мяч летел с тремя крестами..." (78–79):

волшебная ночь наступает
волшебная ночь наступает

волшебная кошка съедает сметану
волшебный старик долго кашляя дремлет
волшебный стоит под воротами дворник
волшебная шишка рисует картину:
волшебную лошадь с волшебной уздечкой
волшебная птичка глотает свистульку
и сев на цветочек волшебно свистит.

Принципы введения парадигмы остаются прежними: первый раз лексема встречается в исходной форме, парадигма используется лишь фрагментарно. В данном отрывке прилагательное "волшебный" образует грамматически правильные сочетания с именами существительными, согласуясь с ними в роде и падеже, при этом первая форма равна последней (волшебная ночь – волшебная птичка). В процитированном фрагменте текста форма именительного падежа ед. ч. женского рода преобладает, ее значимость подчеркнута троекратным повторением подряд, именно она организует текст, встречаясь в соотношении 1:2 с другими формами.

волшебная, волшебный, волшебный

В сменяемости данных форм можно видеть реализацию уже описаной модели, а именно грамматической симметрии, – именительный падеж ед. ч. ж. р.: именительный падеж ед. ч. м. р. Троекратному повторению первой формы соответствует двукратное повторение второй формы, что может говорить о ее меньшей значимости. в тексте (но лишь по отношению к форме именительного падежа ж. р., что же касается форм косвенных падежей, употребленных лишь по одному разу, то по отношению к ним вторая форма является более значимой).

волшебная: волшебную, волшебной

Связь между этими формами является чисто парадигматической. Строго говоря, двумя представленными формами и исчерпывается вся парадигма имени прилагательного "волшебная" в ед. ч., в которой широко представлена омонимия форм. Однако в контексте стихотворе-

ния, благодаря синтаксическим связям, осуществляется однозначный выбор — именительный падеж ед. ч.: винительный падеж ед. ч., творительный падеж ед. ч. Если же отвлечься от реально представленных синтаксических единиц и рассматривать исключительно логику парадигмы, то трактовка формы "волшебной" может быть не столь однозначной. В ней как бы спрессованы (наряду с творительным) два других падежа: дательный и родительный, которые, при обращении к замыкающей ряд форме и одновременно к предшествующей вновь дают "обратную падежную перспективу" — винительный: (дательный): родительный: именительный.

За пределами парадигмы, но в тесном соседстве с ней употреблено наречие "волшебно". Таким образом задана возможность реализации словообразовательного гнезда внутри текста как прием, широко распространенный в поэтике В. Хлебникова.

1.1.4. В стихотворении "До того ли что в раю..." (1, 74) представлена система личных местоимений:

я же вам и говорю
ты повторяешь он твердит
она поет
ему лежит
ее пошел
на нем бежит

При каждом из местоимений единственного числа, употребленных в форме именительного падежа, находится глагол, содержащий в структуре своего значения сему "произнесения": говорю, повторяешь, твердит, поет — и строго согласованный с местоимением в форме лица и числа. Все четыре глагола реализуют парадигму как бы одного, не названного, глагола, в данном контексте грамматика становится важнее семантики. В четвертой строке происходит сдвиг в местоименной форме: на месте именительного падежа (могло ожидаться местоимение оно или же мы) появляется форма дательного падежа — ему. Дательный падеж мотивирован, как кажется, общей семантикой глагольных форм, допускающих при себе указание на адресата действия (ср. в первой строке: я же вам и говорю), таким образом, глаголы "произнесения" оказываются с двух сторон ограниченны местоименными формами: вам — ему. Местоимение ему замыкает ряд семантических связанных глаголов, но оно же и открывает новый ряд, объединенный понятием "положение в пространстве": лежит, пошел, бежит. Они введены при формах косвенных падежей местоимений он (оно) и она — ему, ее, на нем. При этом в 4 строке происходит перелом не только в выборе местоименной формы

(от именительного падежа к косвенному) и семантике сочетающегося с данной формой глагола, но и в реализации понятия грамматической и логической правильности. Так соположение субъекта действия и самого действия в первых трех строках вполне отвечает требованиям грамматики и общей логики, тогда как предложения "ему лежит" и "ее попел" "на нем лежит" требует некоторых модификаций, если подходить к ним с точки зрения общего узуса. Необходимо подчеркнуть, что модификации затронули бы прежде всего семантику (ср., например, "ему предстоит", "ее увидел", "на нем сидит" и т.д.). Таким образом, поэтическая логика в представленном отрывке подчинена в первую очередь грамматике, то есть парадигматике местоимения и связанного с ним глагола.

Ср. ряд местоимений в стихотворении "Нева течет вдоль Академии...":

Где для вас,
для нас,
для них
наши воды лезут в трубы... (2, 6)

1.2.0. Идея вертикального движения, образующего стержень текста, может реализоваться на чисто слоговом уровне. Так, например, построен монолог рыбака в стихотворении "Вода и Хню", который, правда, не был включен автором в основной текст:

О Никандр скрипачей
Пукандр улицы мира
Фукандр небесного умноженья
Стокандр полевых цветов
Кукандр палки о двух концах
Микандр коротких молний
Дукандр свечи залетевшей в дом ((3, 182)

Текст распадается на две части, первую из которых составляет имя (обращение), употребленное при междометии "о", а вторую приименное определение (распространитель имени), выдержанное в одной и той же грамматической форме (доминирующий родительный падеж), что заставляет воспринимать его как некую константу при движущемся имени.

Отдельные слоги могут обыгрываться и, в зависимости от включения в тот или иной ряд, приобретать статус знаменательного слова или же ограничиваться строевыми функциями:

До,
ми,
соль,
до-бе-на,
добела... (72-73)

1.3.0. Лексико-семантические парадигмы используются Хармсом чрезвычайно широко. В данном случае в качестве константы выступает синтаксическая структура, один (или более) компонент которой последовательно изменяет свое лексическое значение при сохранении грамматического значения. Так, например, в стихотворении "Столкновение дуба с мудрецом" можно найти следующий ряд глаголов:

Так что в дверь
нельзя проехать,
прыгнуть,
хлопнуть,
плавать,
сесть. (68)

В данном случае глаголы, объединенные грамматическим значением и синтаксической функцией, образуют симметрично организованный ряд:

1. проехать в дверь
2. прыгнуть в дверь
3. хлопнуть в дверь
4. плавать в дверь
5. сесть в дверь

Из пяти употребленных глаголов четыре относятся к глаголам движения (1, 2, 4, 5). Постепенная смена глаголов идет по линии десемантизации конструкции в целом с точки зрения внепоэтического узуса. В первых двух случаях высказывание построено правильно грамматически и семантически и внутреннее противопоставление основано на смене постепенности мгновенностью действия (ср. "прыгнуть в окно"), как кажется, разница в характере действия здесь отходит на второй план. Третья конструкция является деформированной по отношению к первым двум с точки зрения грамматики и/или семантики. В зависимости от конструкции глагол "хлопнуть" реализует разные значения (ср. "хлопнуть кого (чем) по чему", "хлопнуть чем": хлопнуть кого-нибудь по плечу, хлопнуть дверьми), но заданная в тексте конструкция десемантизирует глагол (можно предположить, однако, что глагол "хлопнуть" неслучαιен, так как имеет общий компонент значения с глаголом

"стукнуть" (извлечение звука), образующим в данном случае правильное высказывание "стукнуть в дверь", которое как бы "просвечивает" сквозь текст. Третья конструкция становится своеобразной точкой перелома: в двух следующих происходит возвращение к глаголам движения, которые потенциально могут употребляться с предлогом "в" (то есть частично восстанавливается грамматическая правильность конструкции при возможной деформации предложного наполнения: ср. "плавать в бассейне"), но не при таком лексическом наполнении конструкции (ср. "сесть в поезд"). Таким образом происходит движение от семантической и грамматической правильности через нарушение обоих механизмов к десемантизации при ступенчатой реконструкции грамматической нормы. Такая эволюция становится возможной благодаря многозначности предлога "в", который выступает как ядро конструкции.

В некоторых случаях лексическая деформация приводит к появлению окказионализмов, связанных с контекстом исключительно грамматическим значением, например,

Мы писали, сочиняли,
рифмовали, кормовали
пермадули, гармадели,
фоифари, погигири,
магафори и трясли. (101)

Восприятие слов "кормовали", "пермадули", "гармадели" в качестве глаголов обеспечивается рамкой "писали" – "трясли". Однако потенциально при ином членении на морфемы все эти слова могут быть отнесены к области имен, употребленных в форме именительного (винительного) падежа множественного числа. Это грамматическое значение, видимо, создает словоформы "фоифари", "погигири", "магафори", однако, грамматическая аналогия в данном случае остается менее проясненной, так как не опирается ни на одно общеизвестное лексическое значение. И в данном случае формы вводятся строго симметрично как соотношение 3: 3: 3, при этом последний глагол, "трясли", необходим для того, чтобы замкнуть ряд, вернув его к первому звену, что создает иллюзию глагольности всех включенных в него словоформ.

Подобные контексты создают языковый фон для случаев типа:

Мы уходим, мы ухидем
мы ухудим, мы ухедим,
мы укыдем, мы укадем... ("Месть", 95)

Исходная форма "уходим" порождает ряд модифицированных форм (за счет фонетических чередований в корне, последовательно реализующих

систему гласных: и—у—е—ы—а, а также затрагивающих консонантную структуру корня: х—к, что создает иллюзию внутренней флексии), которые могут восприниматься как разные лексемы (что отчасти подчеркивается и их принадлежностью к разным типам спряжения). Ср. также аналогичные случаи:

Не вдавайтесь,
а вдавайтесь
не пугайтесь,
а пугайтесь. ("Радость", 103) или
Ты не ври и не скуври... (там же, 104).

1.3.1. В стихотворении "звонить—лететь", которое уже анализировалось с точки зрения реализованных в нем грамматических парадигм, также представлены и лексико-семантические парадигмы (см. об этом 1.0.0.). В данном случае областью вариативности становится поэзия субъекта действия при глаголах лететь (полететь) и звонить (звенеть). При этом перечисленные субъекты действия образуют не сплошной, а прерывистый ряд. Началом каждого отрезка можно считать существительное "дом". При глаголе "лететь" ("полететь"):

1. дом/собака/сон/мать/сад/конь/баня/шар/камень/пень/миг/круг,
2. дом/мать/сад/часы/рука/орлы/кость/конь,
3. дом/груда/лоб/грудь/живот/ухо/нос/рот.

При глаголе "звонить" ("звенеть"): 4. дом/вода/камень/книга/мать/сын/сад/А./Б. Перечисленные существительные могут образовывать лексико-семантические группы как внутри одного ряда (например, части тела в третьем ряду: лоб, грудь, живот, ухо, нос, рот; или животный мир в первом ряде: собака, конь; или здание в первом ряду: дом, баня) так и при пересечении рядов (например, к существительным обозначающим части тела, примыкает слово рука из второго ряда, к существительным, обозначающим животный мир, слово орлы из второго ряда). Кроме того, существуют опорные, сквозные слова, переходящие из ряда в ряд: мать, сад (в трех рядах), камень, конь (в двух рядах). Данную линию завершают предельно абстрактные субъекты А. и Б. В последней части стихотворения оба глагола объединяются, при этом реализуются две возможности: при глаголах один и тот же субъект действия — "Лоб звенит и летит.// Грудь звенит и летит." — каждый глагол имеет свой субъект действия — "Эй, монахи, рот звенит! // Эй, монахи, лоб летит!" Лексический разброс слов, занимающих позицию субъекта, приводит к появлению местоименных форм: "Что лететь но не звонить?", "Мы

летать!", "Мы лететь!", совмещающих в себе любое имя или совокупность имен, а также к распатьыванию самой синтаксической позиции, что отражается в употреблении на месте субъекта указательного слова "там": "ТАМ летает и эвонит", "Мы лететь и ТАМ звонить и ТАМ звенеть".

Ср. в стихотворении "Вечерняя песнь к именем моим существующей":

Начало и Власть поместятся в плече твоем
Начало и Власть поместятся во лбу твоем
Начало и Власть поместятся в ступне твоей... (90),

где представлены существительные, называющие части тела, в обстоятельственной функции.

Аналогичный механизм построения текста представлен и в прозе Хармса, ср., например, в пьесе "Елизавета Бам":

Мамаша (бежит за Елизаветой Бам): Хлеб ешь?
Елизавета Бам: Суп ешь?
Папаша: Мясо ешь?
Мамаша: Муку ешь?
Елизавета Бам: Баранину ешь?
Папаша: Коллеты ешь?
Мамаша: Ой, ноги устали. Иван Иванович: Ой, руки устали.
Елизавета Бам: Ой, ножницы устали.
Папаша: Ой, пружины устали. (191)

В усложненном виде может быть представлено несколько рядов, например, в реплике Мыса Афилея ("Радость"):

Дай мне руку и цветок,
дай мне зубки и свисток,
дай мне ножку и графин,
дай мне брошку и парафин. (105)

В данном случае наряду с логикой семантического сближения слов (рука, зубки, брошка: преодолевается граница между представлением об отчуждаемых и неотчуждаемых "частях" тела человека, и слово "брошка" называет предмет, функционально равнозначный перед тем перечисленным составляющим) подключается логика звукового сближения, фонетического обыгрывания (цветок/свисток, графин/ парафин).

Другой тип усложненной структуры представлен в тех случаях, когда предикат требует помещения нескольких валентностей.

В параграфе 1.0.0. при определении лексико-семантической парадигмы уже упоминалось стихотворение "Летят по небу шарики...", в котором текст порождается сменой двух конструкций: 1.Летят по небу

шарики, 2.а люди машут... Таким образом заданы два действия, связанные между собой и развивающиеся во времени, глагол "махать" требует указания на объект действия (кому) и орудие действия (чем). Необходимость распространения предиката создает вариативное поле данного предложения. Первоначально задается объект действия, который сохраняется на протяжении всего текста, осуществляя семантическую связь между первым и вторым предложениями: "а люди машут им". Движение текста создается за счет смены лексем в позиции орудие действия:

а люди машут шапками
 а люди машут палками
 а люди машут булками
 а люди машут кошками
 а люди машут стульями
 а люди машут лампами

Попутно можно отметить, что описанный выше фрагмент ограничен противопоставлением двух начал: динамики и статики – "летят по небу шарики" / "а люди все стоят", которое снимается в последних строках – "летят по небу шарики, // блестят и шелестят. // А люди тоже шелестят".

В самых маленьких частичках,
 в элементах,
 в ангелочках,
 в центре тел,
 в летящих ядрах,
 в натяженье,
 в оболочках,
 в ямах душевной скуки,
 в пузырях логической науки –
 измеряются предметы
 клином, клювом и клыком.

Глагол "измерять" требует позиции объекта (что), инструмента (чем) и единицы измерения (в чем). Как и в предыдущем случае, объект действия не варьируется ("измеряются предметы"). Ср в реплике профессора Гуриндурина:

Где же вы слыхали бредни,
 чтобы стул измерить клином,
 чтобы стол измерить клювом
 чтобы ключ измерить лирой. (76),

где движение задается и для объекта действия (при нулевой реализации валентности единицы измерения).

В стихотворении "Двести бабок нам плясало..." грамматическое пространство организуется глаголом "пасть", сменяющим субъекта действия при неизменном обстоятельном актанте:

дыня радостей валиса
 гроб небес шелтун земли
 звезды быстрые колеса
 пали в трещину
 пали звезды
 пали камни
 пали дочки
 пали веки
 пали спички
 пали бочки
 пали великие цветочки
 волос каменного смеха
 жир мечтательных полетов
 конь бездонного мореха
 шут вороного боя
 крест кожаных переплетов
 живот роста птиц и мух
 ранец Лилии жены тюльпана
 дом председателя ваших и наших. (2, 51)

Распространенные номинативные конструкции (вмещающие адъективный родительный падеж) существуют при этом одновременно в двух планах: как абсолютные единицы, называющие единицы мира, и как относительные, связанные непосредственно с глаголом и составляющие в таком случае лишь часть высказывания.

И в области имен существительных можно встретить искусственные ряды, созданные по определенным фонетическим правилам:

Это ров
 это мров
 это кров...
 Это лынь,
 это млынь
 это клынь,
 это полынь. ("Месть", 92–93)

В этом отрывке представлены два ряда, каждый из которых задается ключевым словом. В каждом следующем слове корень нарапивается, причем такое развитие идет параллельно: ров/мров; лынь/млынь; ров/кров; лынь/клынь. Во втором ряду представлена следующая ступень

наращения (отсутствующая в первом ряду), когда к корню присоединяются два звука: по-лынь. Таким образом ряд образований Хармса оказывается замкнут общепотребительными лексемами ров-полынь.

1.3.2. Каркас стихотворного текста может составлять некая структурная схема предложения, тогда текст образуется одновременной заменой составляющих его элементов, см., например, "Все все деревья пиф...":

(все, все)	деревья	пиф
	каменья	паф
	природа	пуф
	девицы	пиф
	мужчины	паф
	женитьба	пуф
	славяне	пиф
	евреи	паф
	Россия	пуф (2, 5)

Текст разбит на три части, каждая из которых, в свою очередь, троится по числу слов, занимающих место предиката (нельзя не обратить внимание на уже встречавшуюся имитацию внутренней флексии, создающей новую семантику), причем существительное, помещенное в каждой третьей строке, является как бы результатом складывания семантики предшествующих слов (деревья+каменья=природа). Ср. первоначальную редакцию, где эта структура не была выдержана целиком: во второй строфе читалось

(все, все, все)	девицы пиф
	мужчины паф
	ребята пуф (2, 167).

Аналогично построен отрывок стихотворения "До того ли что в раю...", но на иной структурной схеме:

в ушах банан
в дверях пузырь
в лесу кабан
в болоте пыль
в болоте смех
в болоте шарaban (1, 74).

См. также в "Интермеди" к "Комедии города Петербурга":

Кричи оттуда тетерем
мани оттуда зонтиком
скачи оттуда кренделем

танцуй оттуда в комнату
в чуланчик или в комнату (1, 116).

1.4.0. Особый случай, как кажется, представляют собой лексико-семантические ряды, объединяющие закрытые, непродуктивные классы слов. Логика их соположения в тексте основана на чисто грамматическом принципе, оно порождается принадлежностью к одной части речи и стремится к полноте охвата. Например, пространственные наречия:

Вид: Направо дверь, налево дверь, прямо дверь, снизу дверь, вкось дверь, сбоку дверь, с тылу дверь и поперек дверь (2, 149).
Ср. в стихотворении "Овца":

Внизу земля, а сверху гром,
а сбоку мы – кругом земля (66).

Интересно, что в этом стихотворении образуется лексико-семантическое поле со значением "пространственная соотнесенность", где к наречиям примыкают другие части речи в этой функции:

Над нами Бог в кругу святых,
а выше белая овца (там же).

См. также оксюморонное сочетание: "Я стою // вдали, вблизи" ("Месть", 98) или в этом же тексте: "дом вверху и дом внизу" (черновой вариант, см. 2, 184).

Другой частью речи, использование которой характеризуется стремлением к полноте охвата, является местоимение. См., например,

Откуда я?
Зачем я тут стою?
Что я вижу?
Где же я? (1, 77).

Гораздо более яркий пример представлен в стихотворении "Нетеперь" (2, 46–47). Стихотворение построено на установлении взаимоотношений между основными понятиями, названными при помощи местоимений. Одно понятие объясняется через другое при помощи трансформаций простых синтаксических структур (например, введением отрицания: "Это есть Это... // Это не то. // Это не есть не Это."). В тексте представлены основные разряды местоименных слов, которые вводятся постепенно: 1. указательные местоимения – это, то, тут, там, 2. вопросительно-отрицательные – что, где, 3. усилительно-выделительные – само, 4. неопределенные – неоткуда, некуда, 5. полноты охвата действия – все, 6. личные – я, мы, 7. возвратные – себе. Эти местоимения входят в попарное соотне-

сение как внутри одного разряда (подобно уже приведенным примерам, ср. также: "Теперь тут, а теперь там, а теперь тут, а теперь тут и там") так и между разрядами ("Тут есть это и то", "Это вышло из тут", "А там стояла это и то"). В соответствии с сюжетом стихотворения основную смысловую функцию несут на себе указательные слова, неизменно появляющиеся при любых трансформациях синтаксической структуры. Интересно, что стихотворение замыкает ряд слов, данных вне синтаксических связей, как бы задающих текст в его инварианте: "Это, то, тут, там, быть, Я, Мы, Бог".

1.5.0. Можно предположить наличие таких фрагментов текста, когда одна и та же синтаксическая конструкция заполняется лексемами, принадлежащими к разным частям речи. Такая возможность используется Хармсом, хотя и нечасто. См., например:

знаю только хи хи хи
 знаю примуса горенье
 печек жар, молитву ламп
 знаю всадник хлеба радость
 знаю всадник чая сладость
 знаю около и возле
 знаю мимо и сквозь мачтой
 знаю внутрь и снаружи.

(черновой вариант, "Лапа", 2, 220).

Итак, многие стихотворные тексты Хармса построены на потенциально бесконечной редупликации синтаксической конструкции, в этом случае текст порождается на глазах у читателя развертыванием "вертикального" ряда слов, объединяемых общностью грамматического и/или компонентов лексического значений слова. При этом может актуализироваться понятие грамматической правильности / неправильности высказывания, так как текст, совпадая, как правило, в своей начальной и конечной точках с внепоэтическим употреблением (то есть образуя некоторую зону нейтрализации между поэтическим и общелитературным узусом), преломляется в том или ином компоненте, демонстрируя поэтическую языковую действительность и одновременно формируясь ею, а также понятие логической последовательности / непоследовательности при проведении лексических замен.

2.0.0. Синтагматический ряд. Рассмотрим более подробно "горизонтальное" построение текста у Хармса. При соединении слов деформируется механизм их формальной и семантической связи.

2.1.0. На формальном уровне эта деформация выражается в нарушении принципов обязательности и предсказуемости той или иной синтаксической связи.

2.1.1. в некоторых случаях семантически недостаточные глаголы выступают с незамещенной синтаксической позиций. При подобном употреблении происходит сдвиг в восприятии семантики глагольной лексемы либо в восприятии семантики глагольной лексемы либо в восприятии ее синтаксических связей.

и тот час же паровоз
детям подал и сказал:
пейте кашу и сундук.

("Случай на железной дороге", 51)

Глагол "подать" является многозначным, его отдельные значения формируются замещением позиции правого актанта (объект действия): кого-что/что; факультативными можно считать позиции адресата (кому) и обстоятельственной характеристики действия. В приведенном фрагменте реализованы именно факультативные позиции: подал детям, подал тотчас, тогда как обязательная синтаксическая связь не представлена. В обычном узусе такое явление встречается в известных контекстах. Например, допускает вариативность "подать" что /"подать" 0 значение "пожертвовать как милостыню" или значение "поставить на стол (кушанье)", в этом, втором, случае активизируется локальный детерминатив (высказывание типа "я подаю на стол", "на стол подали"), при повышенной роли контекста (например, в разговорной речи так влияет экстраграмматическая ситуация) глагол может употребляться и с нереализованной валентностью. Обращает на себя внимание значение "доставить, привести к месту посадки", когда в качестве прямого объекта выступает лексема со значением "средство передвижения", при этом, как правило, активная конструкция предполагает наличие локального детерминизма ("я подаю поезд к платформе", "подали поезд к платформе"), а пассивная нет ("поезд подан"). В употреблении Хармса глагол "подать" становится как бы "мерцающим": его синтаксическое и семантическое окружение выявляет одновременно несколько значений. Так, конструкцию "паровоз... подал" можно рассматривать как трансформацию пассивной конструкции "паровоз подан", полученную формальной процедурой перемещения лексемы из позиции объекта в позицию субъекта (то есть "паровоз подал себя" с опущением последнего члена конструкции). С другой стороны, указание на необходимость пить "кашу и сундук" намекает на потенциальную возможность реализации значения "подавать кушанье", тем более что оно возможно при нулевом правом актанте. Эта же синтаксическая особенность, как уже говорилось, свойственна и значению "подавать милостыню". Устранение правого актанта можно интерпретировать как способ создания предельно

обобщенного значения слова ("вручать"), так как появление тех или иных семантических множителей зависит от обязательной синтаксической связи. Семантическая структура стихотворения Хармса не исключает, строго говоря, ни одно из этих значений.

Аналогичное расширенное восприятие глагола представлено и в другой строке этого же стихотворения:

Как-то бабушка махнула
и тотчас же паровоз... (там же).

И в данном случае правый актант представлен нулем, но в отличие от предыдущего примера, здесь не реализованы и факультативные синтаксические позиции. Глагол "махнуть" реализует свое основное значение "делать взмахи, движения по воздуху чем-либо" + однократность" при обязательном указании на "инструмент" и факультативном – на адресат и обстоятельственные характеристики. В отличие от глагола "подать" зона значений, актуализирующих факультативные связи и уничтожающих обязательные, лежит в стилистически ненейтральных контекстах (просторечие, разговорное употребление). Это, во-первых, значение "броситься, прыгнуть, ринуться", во-вторых, значение "поехать, отправиться куда-либо" ("махнуть через забор", "махнуть в Париж"). Глагол "махнуть" обладает, кроме того, морфологически связанным значением "допустить крайнее преувеличение", реализуемым лишь в прошедшем времени под определенной интонацией ("куда махнул!"). И в данном случае синтаксический и семантический контекст Хармса не исключает ни одно из перечисленных значений. Таким образом, если в обычном употреблении контекст разрешает полисемию, то в поэтике Хармса полисемия задается контекстом, при этом используются все возможные способы ее усилить. Это явление усиливает позиции глагола (предиката) в структуре текста.

Иногда устранение обязательной синтаксической связи может быть, представлено как мнимое:

а грузинка по дороге
все твердила (там же, 52)

Восприятие предложения зависит от интерпретации слова "все" как усиливательного (в этом случае глагол "тврдить" лишен обязательной связи, то есть наблюдается явление, описанное выше) либо как объекта действия (в этом случае необычной является его левая позиция).

2.1.2. Обратное явление представлено в тех контекстах, где глагольная лексема наделяется избыточной синтаксической связью.

Базиль повойники несет
то кучер сани запрягая
шумит в убогие уста.

(“Комедия города Петербурга”, 1, 108)

При употреблении глагола “шуметь” в основном значении (“издавать, производить шум”) обязателеняя является лишь позиция субъекта действия. Это же можно сказать и о значении “ссориться, громко выражать недовольство”. Значение “обсуждать что-либо, делать предметом всеобщего внимания” актуализирует семантику объекта (о чём). Ни одно из значений не выявляет локального термина, за исключением связанных выражений “шумит в голове”, “шумит в ушах” требующих безличных конструкций. Несомненно, восприятие глагола во фразе “кучер... шумит в убогие места” опирается на множество ассоциаций. Оно вмещает и значения глагола “шуметь” (в их комплексе, при этом связь с безличным употреблением подчеркивается семантической близостью слова “уста” к словам “уши”, “голова”) и приступающей сквозь предложно-падежное сочетание “в уста” связью глагола “шуметь” с глаголом “трубить”.

А дверь дубовая молчит
хозяину в живот.

(“В гостях у Заболоцкого”, 1, 55)

И в данном случае мы имеем дело с избыточной синтаксической связью, так как семантическая структура глагола “молчать” не нуждается в дополнительном указании на место действия (конечно, если не считать, что в данном предложении опущен какой-либо иной глагол, связанный с комплексом “хозяину в живот”, что было бы, как кажется, некоторой натяжкой).

Ср. аналогичные примеры:

Земля вертелась в голос тот

(“Пророк с аничкиного моста”, 54)

то выли дерзкие моторы
в большие вечные ворота

(“Хню”, 126).

Введение той или иной избыточной синтаксической позиции сопровождается созданием семантической избыточности, в крайнем своем случае это приводит к десемантизации глагола, например:

Вот он для этого собрал
различные чемоданы
и так раздумывал кедровой головой
("Столкновение дуба с мудрецом", 68).

В приведенном отрывке таким разрушителем семантики глагола становится слово "головой", так как оно помещает позицию "инстру-ментальности" вне глагола и создает потенциальную возможность замены в этом фрагменте семантической структуры.

2.1.3. Наряду с нарушениями в области обязательной синтаксической связи (то есть устранение синтаксической связи при семантически недостаточном глаголе) встречаются и искажения на уровне предсказуемости синтаксической связи.

И вот
из морей могучих вод
слава Богу наконец
выбирается пловец
как народ ему лепечет
и трасется на него
("Берег правый международный...", 1, 12).

Глагол "трястись" в своих переносных значениях "бояться потерять, утратить кого, что-либо", "испытывать страх, боязнь" сочетается с рядом преложно-падежных форм: над кем/чем, за кого/что, перед кем/чем. В приведенном фрагменте используется форма винительного падежа ед. ч. местоимения, возможная при данном глаголе лишь при предлоге "за". И в данном случае можно предположить, что таким образом усложняется процедура контекстного выбора одного из значений многозначного слова. Ср. также:

да Заболоцкого рука
по комнате бежит,
берет крылатую трубу
дудит ее кругом
("В гостях у Заболоцкого", 1, 55).

2.1.4. Явления синтаксической сочетаемости глагола могут распространяться и на отглагольные имена.

...распутать свою шею
для поворотов очень приветливым знакомым и
незнакомым собеседникам
("Скажу тебе по совести...", 131).

Сочетание "поворотов... собеседникам" восходит к глагольному "поворнуть собеседникам". При необходимости заполнить валентность "адресат" используется предложная форма дательного падежа, опущение же предлога изменяет семантику существительного, которое начинает восприниматься как объект действия. Эта двуплановость исчезает при переходе к субстантивному словосочетанию, построенному, однако, с нарушением формальной связи между словами.

2.1.5. В поэзии Хармса встречаются случаи синтаксической аналогии, когда синтаксическая связь, свойственная одной лексеме, распространяется на другую лексему.

О скакал тогда домой,
разеваясь бородой,
и, на жизнь хмур и зол,
залезал к себе под стол

("Столкновение дуба с мудрецом", 71)

Краткая форма прилагательного "злой" в значении "сердит, исполнен злобы" сочетается с предложной формой винительного падежа (на кого/что) эта же синтаксическая связь индуцируется и на краткое прилагательное "хмур", так как здесь актуализируется общая сема "недовольство", сочетающаяся с выраженной на синтаксическом уровне семантикой объекта состояния.

2.2.0. Сдвиг в организации синтаксических связей представлен и на уровне предложения и, шире, текста. Так, например, встречается явление незамещенности синтаксической позиции:

Не скажу, что
и в чем отличие пустого разговора
от разговора о вещах текущих ("Радость", 102).

В некоторых предложениях можно выделить слова (или словосочетание), которое в равной мере может подчиняться сразу двум членам предложения, создавая особым образом спаянный и одновременно многоизначный смысл.

Я сам Бутырлинского края,
девиц насилию, играя
с ними в поддавки ("Вода и Хю", 123).

Здесь центральную позицию занимает деепричастие "играя", относящееся к глаголу (подчеркивается легкость действия) и формирующее составное словосочетание (аналогичное глагольному "играть с ними в поддавки"). Ср. еще:

здравствуй здравствуй Грузия
 как нам выйти из нее
 мимо этого большого
 не забора — ах вы дети —
 вырастала палеандра
 ("Случай на железной дороге", 51).

И в данном случае представлен образец "открытого" синтаксиса, где фрагмент "мимо этого большого не забора" (сочетание указательного местоимения при отрицании создает значение предельной неопределенности) может одинаковым образом соотноситься с предложением "как нам выйти из нее" и с предложением "вырастала палеандра".

Аналогичный пример:

Которая Елизавета Бам,
 Которая мне дочь?
 Которую хотите вы
 На следующую ночь
 Убить и вздернуть на сосне,
 Которая стройна,
 Чтоб знали звери все вокруг
 И целая страна? ("Елизавета Бам", 197).

Адъективное предложение "которая стройна" может относиться и к Елизавете Бам (тогда оно завершает цепочку аналогичных предложений) и к сосне (в этом случае меняется структура текста, так как названное предложение помещается внутри предшествующего).

В стихах Хармса встречаются перестановки слов (на уровне предложения) и словосочетаний (на уровне текста). Суть подобной перестановки может состоять в отнесении определения на дистантную позицию по отношению о определяемому слову, что ведет также к "размыканию" синтаксиса:

Потому как сажень
 есть косая инструмент
 и способна прилагаться
 где угодно хорошо ("Измерение вещей", 75).

Или:

А потом беря зажим
 сын военного призванья
 робкой девицы признанье
 с холма мудрого седла
 наклоня тугую шею
 ей внимает бригадир
 ("Берег правый международный...", 1, 12).

Одно предложение, описывающее бригадира ("сын военного призыва") и его действия, оказывается расколотым назывным фрагментом "робкой девицы признанье", таким образом для понимания синтаксической структуры целого необходимо проделать ряд перестановок.

Эти явления на уровне единиц, бóльших, чем словосочетание, создают затрудненность для восприятия текста, своеобразную синтаксическую многозначность, когда в определенном контексте потенциально присутствует множественность синтаксических употреблений слова (или словосочетания).

2.3.0 Вопрос о семантической связи между словами, образующими "горизонтальный" ряд, вновь возвращается к проблеме принципиального разграничения "ситуационной" и "семантической бессмыслицы" (см. рассуждения Т.А. Липавской, приведенные в примечаниях к изд. сочинений А. Введенского, с. 271). На семантическом уровне может проходить "поэтическая критика разума" (цит. изд., с. 251, ср. с замечанием о том, что "поэзия производит только словесное чудо, а не настоящее", там же, с. 361).

Нас интересует в первую очередь чисто языковый аспект порождения "семантической бессмыслицы" (при этом нельзя не отдавать себе отчета в неточности данного термина, так как, по замечанию Я.С. Друскина, "бессмысленное слово или бессмысленная последовательность слов не имеет смысла, но имеет значение", там же, с. 285). Хармс, соединяя лексемы, счищает их от нормативных законов сочетаемости, в первую очередь семантической. Это становится возможным, если слово воспринимается как разложимая единица, см., например, перифразу глагола "крикнуть" у Хармса: "Это, сделав дикий крик // мчится разум, ошалев".

Разберем, например, сочетание "влетая на вагоны" ("Случай на железной дороге", 51). Глагол "влетать" ("влететь"), управляющий предлогом "на" с вин. п., требует сочетания со словами, называющими открытое пространство ("влететь на двор"), но это правило в данном случае игнорируется, более того, использовано существительное с антонимической семой "закрытости", "компактного ограничения пространства!. Или: "Эй, вы там, не простудитесь // на просторном сквозняке" ("Искушение", 62). Существительное "сквозняк" содержит семы "тяга", "воздух", "интенсивность", "через", "отверстие", "сквозной", "узкий". Последняя находит антонимическую пару в прилагательном "просторный", подразумевающем в своей внутренней структуре сему "широкий". Наряду с антонимическим рассогласованием широко распространено функциональное рассогласование. В этом же произведении: "наши головы текли" (61). Глагол "течь" обозначает некое плавное движение, такое перемещение из одной точки в другую, которое происходит неди-

скретно. В данном случае рассогласование между семантикой слов происходит по признаку "недискретность". Ср. "пейте кашу и сундук" (там же), где семантическое рассогласование происходит в два шага: "пейте кашу" – "пейте сундук". Глагол "пить" обозначает "поглощать жидкость". На первом этапе рассогласование идет по семе "жидкость", сочетание "пейте кашу" становится как бы "пограничным", переломным (отчасти об этом явлении уже упоминалось в разделе, по-священном лексико-семантическим парадигмам). На втором этапе сохраняется уже введенное рассогласование, но оно дополняется рассогласованием по семе "поглощать", таким образом утрачивается семантическая основа соположения слов. Или: "А время – суп, высокий, длинный и широкий" ("Радость", 102). Все три прилагательных объединяет представление о большой протяженности (в длину, в высоту, по периметру), их соположение вполне отвечает закономерностям поэтики Хармса, порождающей лексико-семантические ряды слов. Прилагательное "Широкий" является в данном случае точкой перелома (по отношению к двум другим прилагательным), так как оно в принципе сочетается с понятием "жидкое", рассогласование же идет на уровне уточнения данного понятия.

Аналогичные примеры в большом количестве встречаются практически в каждом стихотворении Хармса. Семантическое согласование, необходимое для обычного процесса коммуникации, заменяется семантическим рассогласованием (частичным или полным). На языковом уровне оно может заменяться грамматическим согласованием. В данном случае мы имеем в виду системное согласование, существующее между словами разных грамматических классов и лишенное тех запретов, которое налагает на него речевой узус. Так, например, названия предметов сочетаются с названием характеристик этих предметов (на формальном уровне класс существительных сочетается с классом прилагательных), названия действий, подразумевающих объект, сочетаются с названиями таких объектов (на формальном уровне класс переходных глаголов и класс имен существительных), названия действий сочетается с названиями признаков действий (на формальном уровне класс глаголов сочетается с классом наречных слов) и т.д. Возможность соединять глагол с любым наречным словом без каких-либо ограничений используется Хармсом:

даже тело опустилось
и чирикало любезно
но зато немножко скучно
и как будто бы назад
("Случай на железной дороге", 51).

Ср., "и глазами вдаль вертит" ("Дачная ночь", 1, 21), "заснула нянька кувырком" ("Пожар", 63) и т.д. Иногда процесс проявления подобных синтаксических единиц можно проследить наглядно. Например, в стихотворении "Дочь Сокольского" Хармс заменяет строку "чихает мелким взрывом" (1, 19, ср. там же с. 173). Очень часто Хармс использует творительный падеж сравнения, восходящий к сравнительному обороту со словом "как", в наречной функции: "он реял над крышей, как молоток" ("Столкновение дуба с мудрецом", 69), "и молотком вверху болтался" (там же, 70); "вот и стал бы я, как дуб", "я бы начал дубом жить" (там же, 69). В отдельных случаях возникает при этом наложение отдельных падежных значений, например, темпорального и инструментального: "...сойди с дороги // не то моментом задавлю" ("Разговоры за самоваром", 109) или темпорального и объектного: "Дочь его Агнесса // в кругу зверей штутила днями" ("Жил мельник...", 77).

Можно предположить, что во всех подобных случаях (то есть при наличии грамматического согласования и отсутствии семантического согласования) происходит распределение этих двух механизмов: правильная грамматическая структура нейтрализует внепоэтическую и поэтическую реальности, семантическая же структура маркирует поэтическую реальность. (Именно поэтому семантическое рассогласование или, как обычно называлось данное явление, "бессмыслица", оказывалась в центре обсуждения критики. Об этом прямо писал Н. Заболоцкий: "...центр спора о бессмыслице должен быть перенесен в плоскость сцепления... слов. [...] Бессмыслица не от того, что чисто смысловые слова поставлены в необычную связь – алогического характера" (цит. по: А. Введенский, цит. изд., с.252). В преодолении такой "необычности" Заболоцкий видел путь, который проходит любая метафора. Внутреннюю полемику содержит в себе рассуждение Я.С. Друскина по поводу строки А. Введенского "И стол потерял соль": "В переносном смысле говорят: это выражение или острота потеряли свою соль. [...] Это смелая метафора. Но "соль стола" – это уже не метафора, это бессмыслица, возникшая из отстранения метафоры, то есть примена" (цит. изд., с. 329). Как представляется, разница между метафоризацией и созданием "бессмыслицы" состоит в противоположной направленности: метафоризация предполагает процесс уподобления, усиления семантического согласования, а в случае невозможности контекстуальное выявление семы ассоциативного характера, представленной во внутренней структуре слова лишь потенциально, тогда как "бессмыслица" стремится к разрыву семантических связей.)

Действие механизма рассогласования слов может происходить на гла-зах у читателя.

Елизавета Бам:

Иван Иванович, сходите в полпивную
И принесите нам бутылку пива и горох.

Иван Иванович:

Ага, горох и полбутылки пива,
Сходить в пивную, а оттудова сюда.

Елизавета Бам:

Не полбутылки, а бутылку пива,
И не в пивную, а в горох идти.

Иван Иванович:

Сейчас я шубу в полпивную спрячу,
А сам на голову надену полгорох.
(“Елизавета Бам”, 202).

Искажение на уровне семантического согласования слов может привести к полному высвобождению слова от привычной структуры, см., например, прозаический отрывок из произведения “Лапа”:

1. Чтобы сварить суп, надо затопить плиту и поставить на нее кастрюлю с водой. Когда вода вскипит, надо в воду бросить морковь и...
2. нет, стрелу и фо... нет, надо в воду положить карету. [...]
3. Знаете ли, чтобы сделать суп, надо положить в воду мясо и рыбу.
4. Ылы ф зуп фоложить морковь. Ылы спржу. Ылы букварь. Ылы дрыдноут. (2, 93–94).

3.0.0. Языковая система в творчестве Хармса является не только средством создания мира (см. высказанную в письме к К. Пугачевой мысль о том, что “истинное искусство... создает мир и является его первым отражением...”: 25), но и полноправным звеном этого мира. Если футуристы, как правило, абсолютизировали звуковой и словообразовательный уровни языка, стремясь к созданию новых связей ее от ограничений, связанных с узусом. Использование системы языка в тексте приводит к явлению рассогласования на грамматическом и/или семантическом уровнях (что может отражаться и на фонетике, и на семантике). Хармс демонстрирует логику языка во всей ее алогичности (с этой точки зрения интересны случаи игры с грамматикой, например, когда глагол шестого класса образует формы по правилам глаголов первого класса: “а в сумке прятает на завтра // его красивые усы” (там же, 54), или глагол совершенного вида образует аналогичную форму будущего времени: “Будем в небо улететь” (“глАвНабор”, 2, 102), или

восстанавливается форма повелительного наклонения (по правилам синхронии, с нарушением исторически закономерной формы): "ляг и спи, и види сон" ("Радость", 105), или имя существительное получает флексию без учета правил соединения основ и окончаний: "Баня лицов твоих" ("Вечерняя песнь к именем моим существующей", 90), или получает форму множественного числа независимо от семантики основы: "летают воздухи одни" ("Разговоры за самоваром" 111) и т.д.) и многозначности.

Подобное отношение к языку, возможно, было присуще и другим поэтам его круга, например, А. Введенскому. Отдельные наблюдения над поэтикой Введенского, подтверждающие это предположение, содержатся в комментариях к его собранию сочинений (цит. изд., т. 2; см. , например, о падежных формах местоимений с. 265, 314, 331; о рядах слов как способе организации текста с. 266, 272–273 и др.). Однако сопоставительный анализ языкового аспекта поэтики Хармса и Введенского является предметом отдельного исследования.

В заключение хотелось бы указать на стихотворение Хармса 1931 года, в котором он сам определяет свое отношение к языку:

Только ты просвети меня Господи путем стихов моих.
Разбуди меня сильного к битве со смыслами,
быстрого к управлению слов... ("Молитва перед сном",
3, 169).

---

* В статье используются два издания стихотворений Д. Хармса: Даниил Хармс. *Полет в небеса*. Л., 1988. При ссылке на издание указывается номер страницы (например: "Овца", 66). Д. Хармс. *Собрание произведений*. Под редакцией Михаила Мейлаха и Владимира Эрля. Времен, 1978 тт. 1–3. При ссылке на это издание первая цифра указывает на номер тома, а вторая на страницу (например: "Банна Архимеда", 2, 3, где 2 – указание на второй том, а 3 – отсылка на страницу).